

Источник: Шредер Р. «Коперниково открытие» Владимира Тендрякова / Р. Шредер; пер. с нем. А. Федорова // Звезда. — 1990. — № 3. — С. 119–123.

Ральф Шрёдер

«КОПЕРНИКОВО ОТКРЫТИЕ» ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА

1

На особый замысел «Метаморфоз собственности» Тендряков косвенно указал в одном из своих последних интервью, данном немецкому изданию журнала «Советская литература» (№ 11, 1983 г.): «Много лет я в меру своих сил пытался показывать нравственность, так сказать, «в картинках», теперь хотелось бы понять, что это такое. Существует известный стереотип — нравственность не что иное, как личное качество. Существуют, мол, люди добрые по натуре и злые, честные и бесчестные, равнодушные и отзывчивые. Одни способствуют укреплению взаимоотношений, другие их разрушают. Вся беда в дурных людях.

В то же время каждый из нас знает, что на протяжении всей обозримой истории человечество строилось на принципах антагонизма — одни угнетали, насильничали, другие подчинялись, терпели насилие. Без насилия не вырастал колос в поле, не появлялся хлеб на столе. В такой обстановке проявлять добро было не только трудней, чем зло, а зачастую просто невозможно. Значит, не от личных качеств, не от воли дурных людей зависел нравственный уровень жизни — от сложившихся обстоятельств. Сложившихся независимо от человека, predeterminedных самим ходом развития. Истоки нравственности не *внутри* нас, а *вне* нас. В этих-то внешних факторах — как они образуются, по каким законам, каким образом на нас действуют — я и пытаюсь сейчас разобраться». А затем Тендряков пояснил: «В журнале «Новый мир» лежит сейчас мой новый роман, тема которого — решение таких вот теоретических вопросов».

Речь шла о романе «Покушение на миражи», появиться которому на страницах «Нового мира» было суждено только в 1987 году. С помощью этого романа Тендряков хотел тогда уже сделать доступными широкой общественности важнейшие открытия и мысли, развитые им в «Метаморфозах собственности». Но сами по себе «Метаморфозы собственности» были задуманы и написаны как заключительная, обобщающая глава его обширного творческого наследия, первые главы которого составили рассказы и повести «Пара гнедых», «Хлеб для собаки», «Параня», «Донна Анна», «Охота», «На блаженном острове коммунизма», «Люди и нелюди», «Революция! Революция! Революция!». Так что «Метаморфозы собственности» следует рассматривать и понимать именно как составную и заключительную часть этой необычной книги.

2

Первые части этой книги Тендряков читал мне летом 1973 года. Юрий Трифонов, который привез меня на дачу Тендрякова в Красную Пахру, уже подготовил меня к тому, что я встречу на этот раз с совершенно другим Тендряковым, услышу настоящую боль-

Ральф Шрёдер (р. 1927) — литературовед и критик. Член правления Союза писателей ГДР. Доктор философии. Автор многих работ по русской и советской литературе, в том числе о творчестве Достоевского, Горького, Тьянянова, Булгакова, Эренбурга, Трифонова, Тендрякова, Айтматова, Окуджавы и др. Автор книг «Обновление Горьким традиции Фауста» (1971), «От постижения личности к постижению мира. Актуальные дискуссии советской литературы» (1977), «Роман души, роман истории» (1986) и др. Живет в Берлине.

шую литературу, столь своеобразную потому, что написана она без оглядки на «внутреннего цензора» и рассчитана не на то, что будет напечатана при нашей жизни, — нет, ее беспощадный реализм адресован грядущему веку. И Трифонов полагал, что домой к нему я вернусь лишь поздно ночью, потому что Тендрякову нужен слушатель — ведь он убежден, что до читателя ему не дожить, а я буду для него как раз подходящим собеседником.

Но несмотря на то, что Трифонов подготовил меня, я был так потрясен услышанным, что еще долго потом не мог думать ни о какой иной литературе. Однако надо сказать, что вначале я воспринял эти рассказы только как законченные отдельные произведения. И лишь много позже, в последующие годы, когда я постепенно познакомился со всем циклом, мне открылась «сверхзадача», которой были подчинены все части этой книги и на которую они работали. Тендряков стремился разобраться, почему же все было так, как было, и какие практические уроки следует извлечь из исторических реальностей прошлого и настоящего для развития «сообщности» — сообщества всех на основе активности каждого. И если Юрий Трифонов, говоря о своих книгах «Время и место» и «Опрокинутый дом», определил свой труд как «роман-пунктир» (в интервью журналу «Веймарер Байтреге» в 1980 году), то Тендряков так сказал мне, имея в виду свою книгу, в которую войдут и уже написанные им к тому времени «Метаморфозы собственности»: «Это — мое «Место и время», мой «Опрокинутый дом», мой роман-пунктир...»

Трифонов дал такое описание этому жанру: он имеет в виду «книгу, которая состояла бы из отдельных произведений: новелл, коротких романов, эссе и т. д. Но это... не сборник, а единое целое. Скорее всего, роман... Пунктирная линия жива, пульсирует, она живее, чем сплошная линия. Вспомним, например, роденовские рисунки. Но и в пунктирной линии должна быть абсолютная точность. Это трудный метод. Здесь не должно быть ничего вялого, расплывчатого, никакой воды, ничего бессодержательного. Здесь должны быть сплошные мускулы. Каждая глава романа... — новелла, которая может существовать отдельно, автономно, но одновременно все главы связаны друг с другом. Они соединены не только образами романа, но и временной цепочкой... своего рода пунктирная линия, которая образует единый рисунок».

Но в то время, как Трифонов пытается показать пунктирной линией «весь поток времени, несущий всё и всех», исходя из повседневной жизни, Тендряков анализирует весь исторический процесс путем экстремального обострения и внешне новеллистической завершенности событий, которые у него имеют характер сюжетно законченных эпизодов. Однако это — кажущаяся законченность. Мы имеем здесь дело с развитием новой жанровой формы в виде концентрированного выражения новых взглядов на историю. Пожалуй, первым это тонко подметил Андрей Битов: «Интересный рассказ появляется сейчас, как мне кажется, лишь на стыке жанров, на границе перехода из жанра в жанр... Края такого «нового» рассказа размыты — нет, это не сырость, невнятность речи — это *неограниченность жизни*. Такой рассказ можно было бы представить себе как отрывок или главу из прекрасной большой вещи, в этом отрывке или главе непонятно как угадываются примыкающие к ней неизвестные главы. Эти неведомые главы таинственно существуют в таком рассказе, и поэтому особенно волнует в нем все пропущенное, все сказанное мельком и вскользь, все неупомянутое даже. Нет, это не опостылевший из-за подражателей хемингуэвский подтекст... В таком рассказе чистый воздух, в нем легко дышится, в нем именно появляется настоящая деталь, придающая повествованию пространство и жизнь».

3

Тендряковский «роман-пунктир» по своему исходному пункту и сюжетным рамкам есть история становления личности автора. Вот это и определяет особое место «Метаморфоз собственности» в его романе.

Когда я прочитал «Метаморфозы собственности», Тендряков сказал мне во время одной из наших прогулок-дискуссий по лесу в Красной Пахре:
— Вот я и открыл самое важное, до чего смог добраться в своей жизни. В будущем я стану лишь варьировать это открытие в других вещах — развивать дальнейшие аспекты на разных предметах и в формах, которые «проходимы» у нас сегодня.

Прозвучало это очень решительно. Чувствовалось, что он все тщательно продумал. Это был категорический императив для его дальнейшего творчества.

И в интервью Тендрякова Берлинскому радио ГДР в октябре 1976 года мы тоже слышим — косвенно, метафорически, в подтексте — его «показания по делу» «Метаморфоз собственности» (потом он сам подтвердил мне это). А в качестве метафоры он выбрал открытие Коперника:

— Художественность требует остроты проблемы. Заостренность — вот что определяет художественное качество произведения... Литература должна заставлять человека задумываться. Художники вынуждены видеть то, чего другие пока не видят. Если писатель

порождает у читателя чувства, которые у того уже были, то роль писателя обесценивается. Зачем нужен читателю такой писатель, коли он и без него уже так чувствовал? Здесь мы сталкиваемся с очень важным вопросом. У нас очень часто думают, что когда дело касается жизни, в духовном освоении жизни всегда право большинство. Да нет же! Большинство право далеко не всегда. Как раз те, кто способен видеть дальше, вторгаться глубже в жизнь своими мыслями, кто открывает неизвестные до этого противоречия, — как раз они ставят в действительности вопросы, касающиеся жизни. То же и в науке. Веками люди видели, что Земля неподвижна, а Солнце вращается вокруг нее. Но пришел человек, сначала один-единственный, по имени Коперник, который сказал: «Послушайте, все совсем не так, а наоборот: Солнце неподвижно, а Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца!»... Так же бывает и в жизни общества. Появляются люди, которые говорят: «Так, как воспринимаете вы, люди, вы воспринимаете неправильно. А я считаю, что это так вот. Пока еще так воспринимаю только я, а вы со мной пока не согласны. Но тут я прав и буду на том стоять». И поскольку этот человек прав, то постепенно у него находят сторонники, и в конце концов он добьется широкого признания...

Разгадка «понятия нравственности» в «Метаморфозах собственности», обнаружение «источника нравственности» в формах собственности, осознание исторически назревшей необходимости отмены «наемного труда у государства» путем превращения государственной собственности в собственность общественную ради обретения «общественной» свободы — вот в чем состоит, если допустимо такое сравнение, «коперниково открытие» Тендрякова.

Тендряковский автобиографический «роман-пунктир» закономерно завершается изложением его важнейшего открытия — духовной вершины его жизни и творчества. Но еще более существенным, чем автобиографическая основа, для включения «Метаморфоз собственности» в этот роман представляется внутреннее единство всех частей богатейшего творческого наследия Тендрякова. Все его составные части, начиная с рассказа «Пара гнедых», дополняют друг друга и служат мотивациями «Метаморфоз собственности». А если бросить ретроспективный взгляд с «Метаморфоз» на рассказы и повести, образующие базу для его обобщений, то видишь, как они своей многоплановой «изобразительностью» подкрепляют и дифференцируют сведенные к «понятию» выводы Тендрякова.

4

Цепь рассказов и повестей этого цикла уже по своему замыслу и композиции ориентирована на анализ тех отношений, где лежат внешние «истоки нравственности», и на изображение того, как возникают эти внешние факторы, по каким законам и каким образом воздействуют они на людей. Но в то же время эти рассказы и повести наглядно показывают, что воздействие внешних факторов на человека не только приносит фатальные результаты, но и содействует освобождению от иллюзий, возникновению инстинктивного сопротивления и, в конечном итоге, «новому мышлению». А это новое мышление подрывает всеислие внешних факторов и, наконец, сгущается до альтернативы, возмещающей о назревании новых «внешних факторов», которые становятся затем все более и более доминирующими. И тем самым дается диалектическая дифференциация тезиса: «Истоки нравственности не *внутри* нас, а *вне* нас».

Переселение крестьян в «год великого перелома», в 1929-м («Пара гнедых»), знаменует собой «обезличивание» крестьянской собственности и порождает катастрофический голод летом 1933 года («Хлеб для собаки»). Всеисльные в то время внешние факторы поначалу повергают героя автобиографического рассказа, мальчика Володю Тенкова, в шокое состояние. Он беспомощен в своих муках совести. Но из этих мук прорастает «инстинкт познания» — мучительное стремление найти выход из зазявшего вдруг, подобно пропасти, противоречия между провозглашенным идеалом — «вселенская справедливость» — и событиями подлинной жизни.

Речь тут идет, скажем так, о выработке того «третьего инстинкта» познания, «который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований», как предсказывал М. Горький в своем письме Сергею Григорьеву 15 марта 1926 года, «...потому что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, принуждены и обязаны будут — в который раз — взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия».

Не случайно выработка этого «третьего инстинкта» у писателя Владимира Тендрякова идет через приобретение опыта 1937 года («Параня»), фронтные бои на Дону («Донна Анна») и в Сталинграде («Люди и нелюди»), кампанию против «космополитов» в московском Литературном институте («Охота») и внутреннее противоборство, связанное с XX съездом КПСС в 1956 году («Революция! Революция! Революция!»), и приводит его к сознательному исследованию многослойных исторических связей, которые придали жизни, истории, революции иной ход, чем это думалось изначально.

«„Это драма — драма идей“, — сказал Эйнштейн о физике, — пишет Тендряков в рассказе «Революция! Революция! Революция!». — Когда-то я поразился горделивой емкости его слов, теперь они вызывают у меня чувство горького снисхождения, которое можно сравнить лишь с искушенным чувством взрослого, глядящего на слезы обиженного ребенка: «Такие ли обиды, дорогой мой, бывают в жизни». Такие ли драмы переживают идеи, рожденные стремлением познать и изменить человеческие отношения.

В 1956-м мне пошел тридцать третий год — пресловутый возраст Христа. В тот год начали открыто суетливости по адресу бога, рабы на минуту почувствовали себя свободными, трусы возмнили себя храбрецами, свято верующие вынуждены были притворяться безбожниками, а меня охватило запоздалое, зато пронзительное до нестерпимости желание оглянуться назад: где, в каком месте случился идеологический поворот? Когда идеи свободы стали идеями насилия? Как это Сталин оказался вместо Ленина?

Отца давно не было в живых. Его ровесники — те, кто день за днем прошли по истории, — знали не больше моего. Они охотно рассказывали эпизоды, легенды, анекдоты прошлых лет, но не могли объяснить — где, когда, почему? Да и был ли этот несчастный поворот?»

Своя «драма идей» шла у Тендрякова в виде полифонического внутреннего разговора с собственным опытом, с пророками, богами, вождями, мечтателями и простаками прошлого и настоящего. При этом он уже в рассказе «Революция! Революция! Революция!» натолкнулся на главную проблему «Метаморфоз собственности» — наемный труд у государства, который должен быть упразднен. И эта многоплановая социально-историческая проблематика показана тут под особым углом — именно в аспекте «драмы идей». Оттого здесь в той или иной степени выносятся за скобки другие аспекты, в частности, национальная и всемирно-историческая мотивировка того, почему революция пошла иначе, чем задумывалось. Это утверждение верно и в отношении аналогичных проблем в «Метаморфозах собственности». Разумеется, Тендряков знал, что история идет не в соответствии с идеями, а, напротив, в зависимости от обстоятельств, условий и интересов, равно как и способностей тех, кто ее делает, сами же идеи меняются, спрямляются и переименовываются. В наших разговорах мы часто обсуждали с ним вопрос о судьбоносном характере чрезвычайной исторической ситуации, в которой оказалась российская Революция Советов, когда она, вопреки ожиданиям, осталась в одиночестве и вынуждена была, фактически, наперстывать «начальное накопление» в условиях отсталой страны. Говорили мы и о той чрезвычайной исторической ситуации, которая сложилась к 1921 году и которая заставила Ленина прийти к выводу, содержащемуся в его работе «О продовольственном налоге»: «Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — *учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаться перед варварскими средствами борьбы против варварства... Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас... это та же самая теоретическая ошибка, которая сбивала с толку лучших из людей лагеря «Новой жизни» и «Вперед»... лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, причем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство».

Эти связи и обстоятельства, включая и наперстывание задачи «первоначального накопления» при Сталине со всеми вытекающими отсюда реальными историческими последствиями, Тендряков особенно убедительно и впечатляюще показал в своем романе «Кончина». И там — как и в первых главах его автобиографического «романа-пунктира» — развивается во всей своей исторической диалектике тот аспект Российской Революции, который Маркс предвидел еще в 1858 году: «...настанет русский 1793-й год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию».

Исключительное сосредоточение на «драме идей» привело — и не в последнюю очередь благодаря отстраненности от «романа с историей» — к однозначному понятию развитию «коперникова открытия» Тендрякова, что и имело для автора «Метаморфоз

собственности» первоочередное значение. И тем самым он одновременно указал в принципе и путь, как заменить «мнимую цивилизацию» «подлинной и всеобщей цивилизацией».

Заканчивая «Метаморфозы собственности», Тендряков пишет:

«Глубоко убежден, что сражением нельзя внушить истину. Сражение не бывает без насилия, пусть даже духовного. Истину признают лишь тогда, когда в ней нуждаются. Сейчас же всё, что я говорю, может вызвать бешенство — не доспел, час не пробил.

Когда пробьет — не ведаю».

Время доспело. И давно уже пробил час.

Вновь оправдываются слова Томаса Манна: «Книга неподвластна времени, если идущее вперед время вбирает ее в себя».

Перевод с немецкого А. Федорова